

ОРЕЛ В. Э.

К ВОПРОСУ О РЕЛИКТАХ ИРАНСКОЙ ГИДРОНИМИИ В БАССЕЙНАХ ДНЕПРА, ДНЕСТРА И ЮЖНОГО БУГА

Поиски гидронимов иранского происхождения в бассейнах великих рек Восточной Европы, названия которых в большинстве своем получили истолкование из иранского уже в трудах А. И. Соболевского [1, 2], давно привлекали к себе внимание исследователей, и это не удивительно, так как проблема иранской гидронимии на этой территории неизменно оказывается прямо или косвенным образом связанной с многочисленными вопросами как чисто лингвистического, так и этногенетического порядка. Наиболее существенной здесь кажется проблематика этнических и языковых контактов иранцев (скифов и сарматов) со славянами, с балтами, а при более значительном удалении в прошлое — и с другими этническими группами, например, иллирийцами [3, с. 276—279; 4]. Изучение подобных контактов, разумеется, особенно интересно не в статике, а в динамическом развитии, и соотношение иранских и славянских гидронимов в Верхнем Поднепровье [5, с. 222—228] заслуживает внимания, помимо всего прочего, и потому, что вносят вклад в имеющиеся представления о славнизации этого ареала.

Основы научного этимологического обследования иранской гидронимии были заложены М. Фасмером, которому, в частности, принадлежит заслуга установления северных границ распространения иранцев в Южной России [6]. Дальнейший прогресс в этой области связан прежде всего с выдающейся по своему значению и масштабам работой В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева [5] и с ошутимо дополнившей последнюю монографией О. Н. Трубачева [3]. Эти ученые внесли принципиальные коррективы в выводы, сделанные М. Фасмером: в ряду полученных ими ценных результатов следует специально выделить открытие ареала ирано-балтийских контактов в бассейне реки Сейм, получившее убедительные подтверждения со стороны археологов [7—9]. Свой вклад в корпус иранских гидронимов Восточной Европы внесли и многие другие ученые, в том числе В. И. Абеев [10, 11], К. Мошинский [12], А. С. Стрижак [13], В. П. Шмидт [14]; в последнее время вопрос об иранской гидронимии рассматривался в обобщающем труде украинских гидронимистов [15].

Здесь представляется целесообразным, не претендуя на исчерпывающую полноту, привести перечень названий рек (за вычетом наиболее крупных), которые в настоящее время с большей или меньшей уверенностью рассматриваются как пранизмы: *Асорок, Артополот, Амонь, Апажа, Апака, Асмонь, Ведрихан, Домоткань, Донец, Дортоба, Ир(к)а, Нава, Надра, Пансова, Прут/Пруд, Ропша, Рух(е)а, Самоткань, Свапа, Сев, Сейм, Сепород, Сула, Сура, Тор, Тускорь, Уда(й), Удае(а), Хан, Хартилова, Хорол, Хоропуть, Цата*. Если обратиться теперь к территориальному распространению этих гидронимов, оно, в целом, может быть однозначно охарактеризовано как тяготеющее к Левобережью Днестра вплоть до бассейна Сейма, в то время как «Правобережная Украина, в широком смысле, оказывается свободной от иранских следов в гидронимии» [3, с. 276]. Принимая справедливость такого распределения, естественно ставить под сомнение и иранскую принадлежность названия Южного Буга, в целом неплохо аргументированную [1; 3, с. 276]. Вместе с тем археологические данные, в частности, свидетельства сарматских памятников по обе стороны Днестра [8, с. 93—96] не позволяют в данном случае полностью

довериться имеющимся материалам по иранской гидронимии и допускают хотя бы теоретическую возможность обнаружения иранских гидронимов также и на территории Правобережной Украины. Некоторые такие названия рек мы приводим ниже. Следует, однако, подчеркнуть, что в наши цели не входило только обследование названной выше зоны, и среди предлагаемых нами этимологий имеются и такие, которые относятся к левым притокам Днепра, так как задача, которую мы ставили перед собой, сводится к поиску гидронимов иранского происхождения в бассейнах Днестра и Южного Буга, а также в Поднестровье.

Основными источниками при этом послужили труды П. Л. Маштакова [16, 17] и недавно изданный коллективом украинских ученых словарь [18]. В нижеследующих этимологических статьях нами приняты обычные в гидронимии сокращения (п. — правый приток, л. — левый приток, пр. — приток, вар. — вариант названия).

Акишка, л. Сожи, вар. *Неманка*, *Немейка*, *Угол*. Вероятным источником представляется иран. **axšaina-* «синий, темно-серый, темный», авест. *axšaena-* «то же», др.-перс. *axš* — *aina-* «то же», осет. *axsin* «то же», *axsinæg* «голубь». Вокализм второго слога обнаруживает продвинутое ступень развития, как в осетинском. Относительно возможности передачи *-ш* < **-s* см. [19, III, с. 198]. Та же иранская основа была обнаружена М. Фасмером в античном названии Черного моря Πόντος Ἀγαίος [6, с. 20]. Другие варианты данного гидронима имеют балтийское происхождение [5, с. 198].

Яланец, л. Савранки, п. Ю. Буга. Сюда же примыкают *Яланка*, п. Шумиловки, пр. Марковки, л. Днестра, вар. *Яланец*, *Еланец*; *Алоница* (река в Крыму). Перечисленные гидронимы следует, по-видимому, связывать с осет. *allon* «самоназвание осетин в сказках», продолжающим иран. **argana-* [11, с. 280; 20]. Отражение этого слова известно и в русской апеллятивной лексике, ср. диал. *аланя* «пиво», *аланый* «пивной», *аланец* «непоседа» [19, I, с. 131; 21]. В то же время для гидронимов *Яланец*, *Еланец* нельзя исключить и объяснения из тюркского, что, однако, значительно менее вероятно для названия *Алоница*.

Атака, п. Раставицы, л. Роси. О. Н. Трубачев характеризует этот гидроним как несный и видит в нем какографический вариант вм. **Отока* [3, с. 88]. Славянское происхождение, к др.-русс. *отокъ* «остров, мыс», предполагаемое И. М. Железняк, указывающей одновременно на литовский гидроним *Ātaka* [22, с. 144], представляется менее вероятным. Возможно возведение к иран. **a-taka-* «небыстрая, не текущая» (ср. *Нетеча*, л. Вехры, п. Сожи); из иранского материала особого внимания заслуживают осет. *təx* «речная стремнина, быстрое течение; быстрый, стремительный, бурный (о реке)», согд. *tyyh* «река».

Борзна, л. Днепра, вар. *Барзна*, *Ворзна*, *Варзна*. Как уже отмечалось, колебание *б/в* в анлауте говорит в пользу неславянского происхождения, а вариант *Борзна* возник в результате позднего переосмысления [5, с. 223]. Не исключено, что исходным является вариант *Варзна*, который мы склонны связывать с иран. **vārz-ana-* «действующий, движущийся (?)» при авест. *varəz-* «действовать», осет. *warzin* «любить» (о семантике последнего см. [10, с. 579]). По сути дела, то же иранское слово обнаруживается в личном имени 𐎱𐎠𐎼𐎿𐎠𐎺𐎠; из **vahu-vārz-ana* «любящий добро» [6, с. 47].

Духан, л. Рудомойки, п. Гостижи, п. Ужи, л. Днестра. Сюда же — *Душан*, л. Тростянки, п. Вороницы, л. Ипути, л. Сожи. Оба гидронима продолжают иран. **duš-zan-* «дурной колодец». Иранская основа **zan-* обнаруживается и в других гидронимах, ср., например, *Хан*, п. Вети, п. Сейма с правым притоком *Добрый Колодезь* [5, с. 227].

Лошак, л. Псла, л. Днестра; *Лошак*, п. Камянки, л. Тетерева, п. Днестра. Связь с соответствующим апеллятивом обусловлена позднейшим сближением. По-видимому, *Лошак* продолжает специфически осетинское и не характерное для иранского в целом *ləxæg* «лосось», подробно см. [19, II, с. 32] с трактовкой в духе скифо-европейских изоглосс. Заслуживает внимания то обстоятельство, что в гидронимии Днестра обнаруживается и соответствующее балтийское образование, ср. *Лоша*, п. Голыши, п. Прони,

п. Сожи; Лош, л. Десны, сравниваемые с литов. *Laš-upė* «Лососиная река» [23, с. 529; 5, с. 194]. О передаче осет. -s- > -ш- см. выше.

Малороша, овраг, л. Кучургана, л. Днестра. Восходит к иран. диал. **mārua-rauxšna*- «светлое болото, светлый омут». При этом налицо ряд характерных черт, позволяющих трактовать это сложение как скифо-осетинское образование. Первый компонент отражает **mārua*- > осет. *tal* «глубокая стоячая вода, глубокое место в озере, болоте, реке; омут, пучина», неизвестное в других иранских языках [19, II, с. 68—69] и типично осетинское в фонетическом плане (иран. **-ru*- > *-l-*). Для второй части отметим утрату *-n-*, как в осет. *rūxs* «свет, светлый» из иран. **rauxšna*- «то же».

Мизунка, л. Свицы, п. Днестра. Не исключена связь с иран. **maiz-* «мочиться; течь», ср. авест. *maez-* «мочиться». Как семантически, так и фонетически особенно показательны свидетельства осетинского, где имеем ирон. *mīzun*, дигор. *mezun* «течь, протекать; мочиться». Хотя В. И. Абавев [19, II, с. 126] подчеркивает, что этот глагол не употребляется в значении «течь» (о реке), приводимые им контексты скорее убеждают в обратном.

Морда, поток в бассейне Серета (Сирета), л. Дуная (Черновицкая обл.). Помещая здесь этот гидроним, мы сознаем, что его этимологизации в значительной мере препятствует расположение соответствующего гидрообъекта далеко на юго-запад от основной массы гидронимических иранизмов. Тем не менее, имеются веские основания для того, чтобы не отказываться от попытки интерпретировать гидроним *Морда* на иранском материале. К югу и юго-западу от Морды, уже на территории Румынии, располагаются историческая область *Maramureş* (Марамуреш, первоначально — название небольшой реки) и река *Mureş* (Муреш), первая из которых в последнее время толкуется как продолжение и.-е. **mori-marus-* «мертвое море» гесп. «умершее море», хотя конкретная языковая атрибуция этого названия остается спорной [4, с. 251—252]. Возможно, и *Mureş* следует интерпретировать как отражение **marus-*. С другой стороны, к северу и к западу от Морды, в Закарпатье обнаруживается еще ряд «мертвых» рек, в том числе *Мертвица*, рукав Латорицы, л. Бодрога, п. Тисы, вар. *Мертвичка*, не говоря уже о возможных продолжениях все того же **marus-* в гидрониме типа *Маруся* (Перемышленский р-н Львовской обл.), *Мерушка*, л. Гвилой Липы, л. Днестра. Такой гидронимический «контекст» названия *Морда*, думается, позволяет интерпретировать последнее в связи с континуантами иран. **mṛta-* «мертвый», ср. особенно осет. *mard* «то же».

Мордогонова, овраг, л. Сухого Омельничка, л. Келебердянского Омельничка, п. Днепра, вар. *Мардогонова*, *Мордогорова*. В первой части восходит к тому же иран. **mṛta-*, что и в предыдущем случае, в то время как во второй части, мысленно устраняя специфические воздействия украинской орфографической традиции, распознаем иран. **xan-* «колодец» (к вокализму ср. варианты *Хан* — *Хон* в бассейне Сейма, объясняющиеся позднейшим развитием *-a-* в *-o-* перед носовым в осетинском). Таким образом, вероятный источник гидронима представляет собой развитие иран. **mṛta-xan*- > **mard(a)-xan*- «мертвый колодец». К семантике ср. выше *Духан*, *Душан*.

Морожа, л. Орессы, п. Птичи, л. Припяти. Попытке этимологизировать этот гидроним на иранской почве препятствуют два существенных обстоятельства: во-первых, его местоположение — на Правобережье Днепра, к северу от Припяти, во-вторых, наличие удовлетворительной (и географически куда более вероятной) балтйской этимологии, выдвинутой еще К. Бугой [23, с. 532] и поддержанной в более поздних исследованиях [5, с. 196], — к литовскому названию озера *Mārgis* и под. Если, однако, отказаться от презумпции невозможности отдельных, занесенных с юга иранских вкраплений в этом ареале, следует обратить внимание, вслед за В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым [5, с. 203], на концен-трацию «птичьих» гидронимов в бассейне Птичи. Иллюстрацией этому может служить само название *Птичь* — к др.-русс. *пѣтичь* «птица» [24, III, с. 398] или к литов. *putytis* «птенец» [5, с. 203], а также *Доколка*, п. Птичи,

вар. *Доколька* — к др.-прус *doaske* «скворец» [5, с. 184]. В окружении такого рода гидронимов *Морожа* может пониматься как отражение иран. **mr̥ga*-«птица», авест. *mr̥gāu-* «то же», осет. *mr̥g* «то же» (в словообразовательном плане ср. особенно хорезм. *mr̥gu* «дичь»), но лишь при том условии, что наличие иранизма в этом районе будет истолковано не как свидетельство реального присутствия ираноязычного этнического элемента, а как результат вторичной «пересадки» данного названия из более южных областей.

Овраг-Девка, овраг, п. Кучургана, л. Днестра (в низовьях), вар. *Девка*. Сюда же *Owrad Jasenowy*, п. Кодымы, п. Ю. Буга; *Owrad Strymba*, п. Кодымы; *Owrad Ternówka*, пр. Ингула, п. Ю. Буга; *Врадский Яр*, п. Оскола, л. Сев. Донца, п. Дона; *Хорватка*, л. Барахтянки, п. Стугны, п. Днепра, вар. *Хаврадки*, *Хоаватка*, *Хаавратка*, *Хаавратка*, *Барахта*. Эти гидронимы объединены в одно гнездо О. Н. Трубачевым [3, с. 94, 260], но характеризуются им как неславянские и неясные; примерно та же точка зрения и в [5, с. 228]. Отдельные названия при этом, очевидно, испытали воздействие восточнославянских апеллятивов (*овраг*), ср. иначе [25]. Представляется привлекательной возможность связать эти гидронимы со славянским названием этноса **xъrvatъ*, иранское происхождение которого как будто не вызывает в настоящее время сомнений (см. по этому поводу, особенно в связи с иранским антропонимом из Танаиса *Χορβάδος*, *Χορὸβάδος* [26, с. 61]). При этом вряд ли следует придавать решающее значение тому, что подобная форма «не встречается в довольно богатой античной эпиграфике нигде на запад от Танаиса» [26, с. 61]. Вместе с тем существенно, что истолкования данного этнонима на иранской почве далеко не однозначны [24, IV, с. 262], и, следовательно, выбор того или иного решения при этимологизации этнонима желательно было бы каким-то образом увязать с интерпретацией соответствующих речных названий. В этом плане особенно интересной кажется недавно предложенная О. Н. Трубачевым этимология **xъrvatъ*, понимаемого как отражение иран. **har-va(n)t-* «женский, изобилующий женщинами» [27, с. 151] и образующего параллель к гипотетическому индоарийскому **sar-ma(n)t-* в основе названия сарматов как женовладеемых согласно античным авторам [28]. С учетом сказанного трудно было бы отказаться от мысли, что гидроним *Овраг-Девка* есть название глоссирующего типа, в котором вторая часть является славянским переводом первой.

Педань, л. Угора, л. Десны. Характеризуется как неясное [5, с. 225]. Предположительно можно возводить к иран. **pay(a)-dānu* «льющаяся река», ср. к первой части авест. *pay-* «литься». Заметим, однако, что осетинскому этот глагол не известен [11, с. 298].

Прут, п. Сейма, вар. *Пруд*. В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев считают маловероятной связь этого гидронима с речным названием *Прут*, л. Дуная [5, с. 225]; последнее же может определенно квалифицироваться как скифское [6, с. 60], ср. осет. *ford* «большая река», далее, возможно, авест. *pr̥ratu-* «брод». Античным названием дунайского Прута было *Πρότα*. В этой связи обращает на себя внимание расположенный севернее Прута, п. Сейма гидроним *Опороць*, л. Надвы, л. Ипутя, л. Сожи, вар. *Апарат*, который трудно отделять от указанного выше иранского слова.

Разавиша, п. Турочки, л. Клевени, п. Сейма. Происхождение признается неясным [5, с. 225]. Поскольку название реки *Турочка*, в которую впадает *Разавиша*, может быть правдоподобно возведено к слав. **turiti* «гнать, торопить», для гидронима *Разавиша* допустимо усматривать источник в иран. **rāz-aspa-*, к иран. **rāz-* «направлять, гнать» и **aspa-* «лошадь». Заметим, что гидроним отражает показательные черты фонетики осетинского типа, ср. осет. *æfæ* «кобыла» < **aspa-*. Что касается первого компонента сложения, следует обратить внимание на любопытные по семантике скифские *Φανδάρως*, осет. *fændag-araz* «устраивающий путь», *Δαυαράζμαχος* из **dān-ārāz-* «направляющий реку» [6, с. 38, 54; 11, с. 300].

Роша, п. Судости, п. Десны. Возможность этимологизации на балтийской почве [5, с. 205] не исключает поисков объяснения из иранского. В этом плане кажется перспективным сопоставление с названием *Мало-*

роша (см. выше), откуда следует интерпретация *Роша* в связи с осет. *gāxs* «свет, светлый». Сюда же, несмотря на не раз высказывавшиеся сомнения [3, с. 237], следовало бы отнести, в целом соглашаясь с М. Фасмером [6, с. 32], и *Рось*, п. Днепра, др.-русск. *Рѣсь*.

Сура, л. Ю. Буга, вар. *Погребная*. Сюда же *Шура*, п. Марианки, п. Горского Текуча, п. Текуча, л. Синюхи, л. Ю. Буга; *Шура*, п. Ю. Буга; *Суров*, п. Беседи, л. Сожи, вар. *Засуров*; *Сузова*, п. Сев. Донца, п. Дона, вар. *Суров*. Эта группа гидронимов непосредственным образом связана с речными названиями из бассейна Днепра — *Сура*, *Сула*. Последние объясняются в связи с младоавест. *sūga-*, выступающим и как апеллатив в значении «Loch, ласипа», и как гидроним [3, с. 138], и это объяснение приложимо и к указанным выше речным названиям из бассейнов других рек с тем уточнением, что формы типа *Суров*, *Сузова*, по-видимому, продолжают пран. **sūgava*. Заметим, кстати, что вариант *Погребная*, по-видимому, допустимо рассматривать как глоссирующий другую форму — *Сура*.

Хамрач, п. Ваги, л. Цаты, п. Снова, п. Десны. Сюда же *Хмара*, л. Сожи, вар. *Хмора*; *Хмарка*, л. Хмары, вар. *Хморка*; *Хомора*, л. Случи, п. Горыни, п. Припяти, вар. *Хомара*, *Хомор*, *Хомур*; *Хоморец*, л. Хоморы. Объединенные в одно гнездо, эти гидронимы характеризуются как пельские [5, с. 227]. Попытка этимологического объяснения на иранском материале вытекает уже из замечания В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева о диагностической роли в этом плане начального *x-* в гидронимах Поднепровья [5, с. 230]. Возможным источником перечисленных названий могло бы быть иран. **hu-mār(y)a-*, **hu-mār(y)aka-*, где первая часть — **hu-* «хороший, добрый», а вторая может быть отождествлена с **mārya-*, восстанавливаемым в гидрониме *Малороша* (см. выше). В бассейне Припяти с Хоморой соседствует *Добрая*; в бассейне Десны отметим гидроним *Добра Вода*. Наконец, среди притоков Горыни находим название *Добрыня*.

Хоробра, п. Роси, п. Днепра, вар. *Храбра*, *Хоребра*, *Хорабра*. Сюда же *Хоробра*, п. Сейма, л. Десны, вар. *Хорабра*, *Харабра*, *Харабрь*; *Хоробарка*, п. Косты, п. Судости, п. Десны; *Хоробор*, п. Десны. Вслед за [5, с. 228] мы признаем вторичность сближения с апеллативом *храбрый* и перспективность поиска в первой части этих гидронимов иран. **xar-* «течь». Дальнейшая реконструкция приводит нас к иран. **xar-āpra-*, где вторая часть имеет значение «глубокий; глубь», ср. осет. *arf* «глубокий». В таком случае данная группа гидронимов в структурном отношении близка к речному названию *Хоропуть*, л. Ипути, л. Сожи из **xara-pant-* [12, с. 179, 204].

Предложенные выше дополнения к списку уже известных гидронимов иранского происхождения в целом образуют довольно интересную картину в том, что касается их территориального распределения, которую целесообразно изложить здесь в суммарном виде. Прежде всего обратимся к бассейну Днепра. Наши данные в основном подтверждают вывод о том, что наибольшая концентрация иранских гидронимов наблюдается на Левобережье — в бассейнах Псла и Воркслы и в Посеймье. Иранское происхождение в этих двух зонах обнаруживается для гидронимов *Лошак* (бассейн Псла) и *Хоробра*, *Разавша* (бассейн Сейма). Вместе с тем более ясно очерчивается еще одна, более северная зона концентрации иранской гидронимии, охватывающая Десну и Сожу — реки, в бассейне которых иранизмы отмечались лишь спорадически. В эту группу входят *Акишинка*, *Душан* (севернее, в бассейне Ужи, также *Дузан*), *Опороть*, *Педань*, *Роша*, *Суров*, *Хамрач*, *Хмара*, *Хмарка*, *Хоробарка*, *Хоробор*. Количество вероятных иранизмов среди гидронимов Правобережья менее значительно и не поддается столь наглядной группировке. Тем не менее обращает на себя внимание, во-первых, относительная компактность ареала, в который включаются *Хорватка*, *Лошак* (Правобережье) и *Борзна* (Левобережье), во-вторых, достаточно тесное соседство нескольких иранских гидронимов в бассейне Роси — *Хоробра*, *Атака* и, возможно, сама *Рось*. Укажем также на наличие потенциальных иранизмов в бассейне Припяти (*Хомора*, *Морожа*).

Необходимо согласиться и с выводами О. Н. Трубачева относительно ситуации в Поднестровье, где иранские гидронимы представлены весьма скупо. Однако если среднее течение Днестра практически свободно от иранских вкраплений, в низовьях обращают на себя внимание *Оврад-Девка* и *Малороша* (Левобережье), а в верхнем течении — *Мизунка* и территория близкая к последнему (но гидрологически входящая в бассейн Дуная) *Морда*.

Совершенно по-иному обстоит дело в связи с Побужьем, где О. Н. Трубачев предполагает практическое отсутствие иранской гидронимии [3, с. 276]. По правому берегу Ю. Буга мы, действительно, обнаруживаем всего два речных названия с иранской этимологией (*Шура*, *Яланец*). Левобережье Буга, однако, позволяет говорить скорее о довольно высоком сосредоточении гидронимов иранского происхождения: *Owrad Jasenowy*, *Owrad Ternówka*, *Сура*, *Шура*. Вместе с тем любопытно, что гидронимия Ю. Буга, низовьев Днестра, а отчасти и низовьев Днестра в отношении известных пока иранизмов оказывается значительно более скудной по разнообразию реконструируемых иранских основ, чем гидронимия Днестра в среднем и верхнем течении. Создается впечатление, что днестровская и бужская (частично днепровская) гидронимия образует своеобразную полосу, непосредственно примыкающую к Черноморскому побережью. В этом плане небезынтересно и то, что эта полоса может быть продолжена на восток.

Заключая этим наши дополнения к списку гидронимов иранского происхождения, мы хотели бы особо подчеркнуть, что предложенные нами новые этимологии в целом не колеблют общие выводы, сделанные М. Фасмером, В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым относительно основных границ иранского гидронимического ареала, но либо подтверждают их, либо, так сказать, заостряют, как это имеет место при рассмотрении речных названий в бассейнах Десны и Сожы и в Побужье. Вместе с тем хочется верить, что поиск иранских гидронимов на обследуемой в настоящей работе территории еще далек от завершения, а их список остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sobolevskij A. Einige Hypothesen über die Sprache der Skythen und Sarmaten. — AfslPh, 1905, Bd. XXVII, S. 240—243.
2. Соболевский А. И. Русско-скифские этюды. — ИОРЯС, 1924, т. XXVII (1922), с. 258—259.
3. Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968.
4. Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики. — В кн.: Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1983.
5. Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
6. Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923.
7. Седов В. В. Балто-иранский контакт в днепровском Левобережье. — Советская археология, 1965, № 4.
8. Седов В. В. Ранний период славянского этногенеза. — В кн.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.
9. Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
10. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М. — Л., 1949.
11. Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия. — В кн.: Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
12. Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław — Kraków, 1957.
13. Стрижак О. С. Назви річок Полтавщини. Київ, 1963.
14. Schmid W. P. Alteuropa und der Osten im Spiegel der Sprachgeschichte. Innsbruck, 1966.
15. Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках. Київ, 1981.
16. Маштаков П. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913.
17. Маштаков П. Список рек бассейнов Днестра и (Южного) Буга. Пг., 1917.
18. Словник гідронімів України, Київ, 1979.
19. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М. — Л., 1959; Т. II. Л., 1973; Т. III. Л., 1979.

20. *Абаев В. И.* Осетинские термины: *iron, allon*.— В кн.: Яфетический сборник. V. Л., 1927.
21. *Абаев В. И.* Из истории слов. К скифо-европейским лексическим связям.— В кн.: Этимология. 1966. М., 1968, с. 244—246.
22. *Железняк И. М.* Островные балто-славянские реликты в гидронимии Украины.— В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1978. М., 1980, с. 114.
23. *Būga K.* Rinktiniai raštai. T. III. Vilnius, 1961.
24. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971; Т. IV. М., 1973.
25. *Добродомов И. Г.* О надежности топонимических этимологий (гидроним *Оврад* на юге Украины).— В кн.: Этимология. 1980. М., 1982.
26. *Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян.— ВЯ, 1974, № 6.
27. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 8. М., 1981.
28. *Трубачев О. Н.* «Старая Скифия» (Ἀρχαία Σκυθία) Геродота (IV, 99) и славяне. Лингвистический аспект.— ВЯ, 1979, № 4, с. 40—41.